

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества
Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Вн. III.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Этнографическаго Отдѣла
Н. А. Янчука.

МОСКВА.

„Русская“ типо-литографія, Тверская, д. Гинцбургъ.
1889.

Киргизскій народный поэтъ-пѣвецъ Ногойбай.

Возможно-ли быть среди киргизовъ и не слышать имени ихъ славнаго поэта-пѣвца Ногойбая? Какъ широко раскинулась сама киргизская степь, такъ-же широко разнесена и слава этого знаменитаго „акына“ (пѣвца). Стоить только перѣхать черезъ Иртышъ, и уже тамъ нѣтъ почти уголка, гдѣ-бы не было извѣстно это имя. Ёдете-ли по широкимъ долинамъ Зайсанской или Чиликтинской, перерѣзываете-ли горы Тюэ-тасъ или Сара-тау, углубляетесь-ли въ самыя глухія, почти непроходимыя ущелья Алтайскихъ, Саурскихъ или Тарбагатайскихъ горъ, или даже вздумаете проѣхать въ предѣлы Небесной имперіи,—всюду можете услышать объ этомъ поэтѣ-пѣвцѣ. Чѣмъ же такъ плѣняетъ слушателей пѣсня Ногойбая? Слушавшій его хотя разъ, не захочетъ слушать другихъ пѣвцовъ. Между тѣмъ, какъ другіе слагаютъ и поютъ свои пѣсни про воинственныхъ батырей, про славныхъ хановъ и султановъ, про пиры, какіе задавали они на всю широкую степь, на всю киргизскую орду, изъ устъ Ногойбая ничего подобнаго не услышите. Горе народное слышится въ его пѣсняхъ, жалобы, стонъ безъ конца. Поэтому-то каждая пѣсня Ногойбая западаетъ въ самую глубину души слушателей, проникаетъ въ самыя сокровенныя тайники ея, задѣваетъ самыя живыя ея струнки. Новы такія пѣсни для „дикихъ сыновъ степи“ и никогда прежде не слыханы ими; съ жадностью слушаютъ они ихъ и готовы слушать безъ конца. Вотъ почему появленіе Ногойбая въ какомъ-нибудь аулѣ всегда сопровождается многочисленнымъ сборищемъ жаждущихъ послушать его. Такъ было и въ тотъ разъ, когда я впервые встрѣтилъ этого знаменитаго Ногойбая въ аулѣ киргиза Садыкана.

Это было въ концѣ іюня 1888 г. Послѣ десятичасового утомительнаго пути верхомъ по узкимъ тропинкамъ Саур

скихъ горъ, мы подъѣхали вечеромъ къ аулу Садыкана. Аулъ былъ раскинутъ въ небольшой котловинѣ, замкнутой съ трехъ сторонъ горами. Что прежде всего (поразило насъ, когда мы подъѣхали къ этому аулу, такъ это почти цѣлый табунъ осѣдланыхъ лошадей, стоявшихъ около него. „Ужъ не умеръ-ли кто, нѣтъ-ли „баты“ (поминокъ)?“ подумали мы, удивляясь такому стеченію народа. Лай собакъ при нашемъ пріѣздѣ не вызвалъ, противъ обыкновенія, хозяевъ встрѣтить прибывшихъ гостей. Мы съ трудомъ проѣхали сквозь тѣсно сплоченный табунъ, съ трудомъ нашли мѣсто, куда могли привязать своихъ лошадей, и только когда появились въ дверяхъ юрты, хозяинъ ея Садыканъ, мой давнишній „тамыръ“ (пріятель), замѣтилъ насъ и, привѣтствуя съ обычнымъ ему радушіемъ, очистилъ для насъ мѣсто въ глубинѣ юрты, противъ дверей. Посыпался цѣлый рядъ привѣтствій какъ со стороны хозяина, такъ и со стороны собравшихся гостей: „аманъ ба“—здоровъ-ли? „малъ джанъ аманъ-ба“—душа и скоть здоровы ли? „хатынь аманъ-ба“—жена здорова-ли? и т. п.; на всѣ эти вопросы я безконечное число разъ долженъ былъ отвѣтить: „аманъ, аманъ“—здоровъ. Послѣ обычнаго угощенія кумысомъ, Садыканъ какъ-то таинственно и въ то-же время торжественно сообщилъ мнѣ, что сегодня для него „великій праздникъ“, такъ какъ среди своихъ гостей онъ видитъ и меня—„москова“, и знаменитаго ихъ „акына“ Ногойбая. Последняя неожиданная вѣсть была для меня весьма пріятна: я самъ не менѣ Садыкана былъ радъ видѣть этого пѣвца, имя котораго давно было извѣстно мнѣ.

Я сталъ среди сидѣвшихъ въ юртѣ искать глазами Ногойбая, но между присутствующими не было ни одного, на которомъ бы можно было остановиться и сказать: „вотъ онъ!“ Я видалъ многихъ болѣе или менѣ извѣстныхъ киргизскихъ пѣвцовъ и поэтовъ, взысканныхъ милостями хановъ и султановъ, и, судя по этимъ, всегда богато одѣтымъ, съ многочисленными серебряными украшеніями, съ надменнымъ взглядомъ, съ гордо поднятой головой, я думалъ такимъ-же встрѣтить и Ногойбая. Но онъ былъ далеко не та-

ковъ. Когда мнѣ, наконецъ, указали его, я сначала рѣшительно не повѣрилъ, чтобы это былъ тотъ самый Ногойбай, слава котораго, можно сказать, затмила всѣхъ бывшихъ до него пѣвцовъ и поэтовъ киргизскаго народа.

Въ углу, около двери, въ томъ мѣстѣ, которое называется киргизами „босога“ и считается далеко не почетнымъ, сидѣлъ, подложивъ подъ себя ноги, какой-то слѣпой киргизъ. На видъ ему можно было дать лѣтъ пятьдесятъ, но онъ былъ гораздо моложе; ему было, какъ я потомъ узналъ, всего только тридцать три года. (Одѣтъ онъ былъ какъ послѣдній „эгинча“, самый бѣдный пастухъ) съ трудомъ прикрывающій свое грѣшное тѣло кой-какими жалкими отрепьями. На коленяхъ его лежала его постоянная спутница—двухструнная „донбра“ (родъ балалайки).

Въ юртѣ стоялъ шумный говоръ. Всякій дѣлился своими новостями. Молчалъ только Ногойбай. Онъ не любилъ говорить, онъ любилъ больше „думать“ и потомъ изливать свои думы передъ слушателями въ звучныхъ, душевныхъ стихахъ. Но вотъ раздался тихій, дребезжащій звукъ донбры, раздался и замеръ. Говоръ сразу смолкъ, шумъ стихъ, наступила полнѣйшая тишина; всѣ жадно впились глазами въ Ногойбая. Опять зазвучали струны донбры, все громче и громче, чаще и чаще; потомъ онъ начали стихать, все тише и тише — и опять мертвая тишина. Никто не шелеститъ, боясь нарушить ее. Ногойбая подали чашку кумысу. Онъ съ жадностью выпилъ ее. „Эй, джигиты“, — раздался затѣмъ сильный, звучный, съ легкой дрожью голосъ Ногойбая, — „эй, джигиты удалые, всѣ, старые и малые, и „ак-сакалы“, и „утагасы“, и „кара-сакалы“, всѣ слушайте пѣсню мою, слушайте бѣднаго акына, слушайте, что споетъ онъ вамъ“... И Ногойбай запѣлъ...

Вечеръ этотъ выпалъ для слушателей особенно счастливый: пѣсня за пѣсней лилась изъ устъ Ногойбая, все болѣе и болѣе воодушевлявшагося, все болѣе и болѣе овлаждавшаго сердцами слушателей. Сначала онъ запѣлъ о себѣ:

„Быль-ли то день, была-ли то ночь, когда родила меня мать,—

не знаю я. Если день, то, знаю, не играло тогда на чистомъ небѣ ясное солнце, не грѣли его золотые лучи близкихъ къ нему горъ, не освѣщали далекую отъ него степь; ни одинъ изъ нихъ не проникъ въ убогую юрту моей бѣдной матери, когда она рождала меня несчастнаго. Если была тогда ночь, то, знаю, не катилась по небу серебристая луна, не горѣли на немъ веселыя звѣзды; ни одна изъ нихъ не улыбнулась мнѣ новорожденному. Во мракѣ я родился, мракъ окружаетъ меня и во всю мою жизнь. Я не видалъ и не знаю ни матери, молокомъ своимъ вскормившую меня, ни ласкавшего и цѣловавшего меня отца, не знаю ни жены своей, ни дѣтей, не вижу и не знаю и никого изъ васъ.) Какъ червякъ ползаетъ по землѣ, такъ-же, думалъ, и я буду влачить свою жалкую жизнь и такъ-же, какъ онъ, думалъ, и сгнію. Но великъ Аллахъ и его пророкъ Магометъ! Дѣла ихъ—тайна для насъ. Не давъ мнѣ зрѣнія, они наградили меня другимъ: они дали мнѣ слухъ, такой чуткій и тонкій, какой, не знаю, есть-ли у кого-нибудь изъ простыхъ людей, но какой, думаю, имѣютъ только Аллахъ да Магометъ“...

И затѣмъ въ высшей степени художественно, тонко, съ замѣчательной для „сына степи“ силой психическаго анализа, рисовалъ онъ передъ слушателями картины, какъ онъ, напримѣръ, не видя восхода солнца, тѣмъ не менѣе какъ-бы слышитъ его, чувствуетъ его всѣмъ своимъ существомъ; или, какъ напр., ранней весной, когда солнце только что успѣетъ снять съ земли ея зимній покровъ, и она еще не одѣнется ни бархатистыми травами, ни разноцвѣтными коврами цвѣтовъ, онъ уже въ это время слышитъ подъ землею какое-то движеніе, слышитъ, какъ шевелятся тамъ различные зародыши, слышитъ, какъ они затѣмъ выходятъ изъ земли, какъ тянется ихъ тонкій стебель, какъ потомъ на немъ образуется чашечка, какъ она распускается и какъ, наконецъ, на мѣстѣ ея получается чудный цвѣтокъ. „И могъ-ли я съ такимъ слухомъ, дарованнымъ мнѣ Богомъ,—восклицалъ затѣмъ Ногойбай,—могъ-ли я не слышать тѣхъ воплей и стоновъ, которые раздавались и раздаются вокругъ

меня? могъ-ли я не слышать ту скорбь и то горе, которое буйнымъ вѣтромъ носится и по гладкой степи, и по узкимъ ущельямъ, и по верхушкамъ высокихъ горъ, высматривая оттуда тѣхъ немногихъ счастливицевъ, которые еще не узнали его? Нѣтъ, я ихъ слышалъ, я все слышалъ. Все долетало до моего слуха, и ничто не пролетало мимо него. Со всей родной степи, со всѣхъ нашихъ горъ, ото всѣхъ моихъ со-родичей собралось вокругъ меня это горе и, наполнивъ собою мое бѣдное сердце, гложетъ, жжетъ и мучить его и рветъ на мелкія части. Горячею кровью обливается оно, несчастное, ища себѣ спасенія, но не находитъ его“. Приблизившись такимъ образомъ къ своимъ излюбленнымъ темамъ, Ногойбай запѣлъ про то самое горе, которое „гложетъ, мучить и рветъ на мелкія части его сердце“.

Онъ запѣлъ о такъ называемомъ „джетаществѣ“, которое, появившись не такъ давно, съ каждымъ годомъ разрастается и принимаетъ все болѣе и болѣе ужасающіе размѣры. Оно нашло, повидимому, въ киргизской степи, при ея настоящемъ, далеко незавидномъ экономическомъ положеніи, вполне удобную почву для своей пагубной дѣятельности и развертывается теперь во всю свою ширь и мощь. Не одна сотня жертвъ пала подъ его безпощадными ударами, не одна сотня ихъ выхвачена и выкинута имъ за предѣлы степи, выкинута съ тѣмъ, чтобы онъ никогда больше не увидалъ ея. И, что въ особенности странно, положеніе этихъ жертвъ, этихъ такъ называемыхъ „джетаковъ“, никого, по-видимому, не интересуешь, никому не бросается въ глаза, никого не поражаетъ своими особенностями. А между тѣмъ эти полу-осѣдлые бѣдняки заслуживаютъ того, чтобы обратить на нихъ вниманіе. Немудрено тогда, что Ногойбай, этотъ пѣвецъ народной скорби, прежде всего остановилъ вниманіе своихъ слушателей именно на джетакахъ. Позволю себѣ и я остановиться на нихъ ваше вниманіе, пользуясь прекраснымъ описаніемъ положенія ихъ у П. Е. Маковецкаго¹.

¹) См. протоколъ общаго собранія Семипалатинскаго Областнаго Статистическаго Комитета, засѣданіе 7 ноября 1887 года.

Что же такое джетакъ?

Потерявъ почему-либо скоть — единственное средство для обеспеченнаго существованія въ степи, киргизъ прибавается къ какому-либо сосѣднему осѣдлому пункту. Здѣсь, при совершенно иныхъ, новыхъ, непривычныхъ условіяхъ жизни, киргизъ теряетъ подъ собой почву; онъ становится безпомощенъ, какъ рыба, вытщенная на берегъ и лишенная родной стихіи. Блѣдный, исхудалый, въ лохмотьяхъ, онъ представляетъ изъ себя иногда жалкое подобіе человѣка, на котораго нельзя смотрѣть безъ состраданія. Это-то и есть джетакъ. Непривыкшій къ работѣ, онъ однако по необходимости долженъ искать ее, чтобы пропитать себя и свое заморенное семейство. Еще куда ни шло лѣтомъ: тогда джетака, по крайней мѣрѣ, грѣетъ солнце, онъ дышитъ чистымъ степнымъ воздухомъ, его неприхотливыя жизненныя потребности удовлетворяются, хоть съ грѣхомъ пополамъ, какой-нибудь дырявой и почернѣлой юртой да небольшимъ количествомъ „айрака“ (кислаго молока). Не то зимою. Жестокіе морозы и снѣжные бураны заставляютъ джетака искать болѣе надежнаго прикрытія, и вотъ онъ идетъ въ поселокъ къ казаку присматривать и ухаживать за скотомъ домовитаго хозяина. На скотномъ пригонѣ, стоящемъ иногда отдѣльно отъ жилого двора казака, къ услугамъ джетака небольшая избушка изъ плетня, щели которой замазаны глиною, забиты землей, а подчасъ и навозной почвой, взятой съ того-же скотнаго пригона. Можно себя представить, какою жалкою защитой являются эти стѣны въ морозные дни и какая антигигіеническая атмосфера получается въ такой хатѣ въ оттепель. Остальная обстановка вполне гармонируетъ съ этимъ. Маленькое окно, иногда затянутое пузыремъ и едва пропускающее свѣтъ, на стѣнахъ — хомуты и другая сбруя для рабочихъ людей казака, тутъ же убогая и грязная рухлядь киргиза — вотъ обстановка, въ которой проводитъ зиму джетакъ со своей семьей. Прибавьте къ этому, что еще въ той-же избушкѣ помѣщается нарождающійся скоть, и станетъ ясно, въ какихъ гибельныхъ, ужасныхъ условіяхъ

приходится перебиваться киргизу, извергнутому степью. Не встрѣчаемся-ли мы здѣсь лицомъ къ лицу съ одной изъ наиболѣе яркихъ и наглядныхъ иллюстрацій явленія, извѣстнаго подъ названіемъ „вымиранія инородца?“ Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ самъ неизбежно вымираетъ и что этотъ процессъ хронической гибели идетъ съ страшной быстротой. Но этого еще мало. Задыхаясь въ свой мазанкѣ, джетагъ, хотя и безсознательно, но жестоко, расплачивается за свою гибель съ другими: заразныя болѣзни, развивающіяся среди антигигіенической обстановки, распространяются и среди сословія, стоящаго въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ,—среди казаковъ.

Посмотримъ теперь, какія обязанности несетъ джетагъ за свое право существованія на казачьихъ задворкахъ. Онъ исполняетъ всѣ черныя работы по дому казака-хозяина, получая за свой трудъ отъ 5 до 10 рублей въ зиму, изъ которыхъ ему же еще приходится уплачивать по раскладкѣ поселочнаго общества налогъ, доходящій въ нѣкоторыхъ поселкахъ до 2 съ лишнимъ рублей. Какъ это ни странно, но это фактъ: джетагъ платитъ обществу именно за право проживанія въ поселкѣ, такъ какъ въ сущности онъ никакими общественными угодьями не пользуется. Правда, ему предоставляется выборъ: уплачивать налогъ, или же уйти изъ поселка. Но есть ли для джетака свободный выборъ, когда онъ задолжался у хозяина, который требуетъ отъ него работы? Что ждетъ впереди всякаго, кто попадаетъ въ подобныя безвыходныя условія? Мнѣ кажется, отвѣтъ слишкомъ ясенъ. А между тѣмъ ходячій взглядъ привыкъ считать явленіе джетачества даже желательнымъ, какъ переходную ступень на рубежѣ двухъ бытовъ, кочевого и осѣдлаго, какъ первый шагъ къ ассимиляціи двухъ народностей...

Вотъ про это-то джетачество, про этихъ-то на вѣки отрѣзанныхъ отъ своего народа джетаковъ и запѣлъ прежде всего Ногойбай. Казалось, въ этой пѣснѣ, дававшей столь много благодарнаго для него матеріала, полной щемящаго, жгучаго, безвыходнаго горя, онъ хотѣлъ излить всю свою душу

и облегчить свое наболѣвшее сердце. И надо отдать ему справедливость: какъ поэтъ-пѣвецъ и притомъ „дикій сынъ степи“, онъ превзошелъ всѣ мои ожиданія. Тутъ онъ былъ весь на лицо; мощный талантъ его, развернувшійся здѣсь во всей своей силѣ, поразилъ меня. (Мнѣ, дѣйствительно, никогда прежде не приходилось слышать изъ устъ киргиза что-либо подобное. Впечатлѣніе оставалось сильное, глубокое, неизгладимое... Его звучные, прекрасно размѣренные, богатые рифмой стихи, лившіеся совершенно свободно, естественно и легко, не смотря на то, что это была импровизація; его чистый, пріятный, полный задушевности голосъ, способный выражать самые тонкіе и нѣжные оттѣнки чувства; его по истинѣ артистическая игра на этой жалкой донбрѣ, подъ искусными пальцами своего „акына“ рыдавшей и плакавшей вмѣстѣ съ нимъ на своихъ двухъ струнахъ, — все это совершенно завладѣвало слушателями.) И впечатлѣніе получалось для слушателей тѣмъ тягостнѣе, тѣмъ сильнѣе, что у каждаго изъ нихъ невольно рождался вопросъ: кто знаетъ, можетъ быть, недалеко то будущее, когда многіе изъ нихъ, теперь относительно счастливые, также должны будутъ покинуть свою родную степь, также вести жалкую жизнь въ той душной, холодной, грязной мазанкѣ, описаніе которой въ пѣснѣ Ногойбая только что леденило ихъ сердца, и также испытывать въ ней всѣ прелести этой новой, *остдой* жизни.

Я по необходимости, говоря о Ногойбаѣ, долженъ былъ болѣе или менѣе подробно остановиться на джетачествѣ. Оно для пѣвца — самое больное мѣсто въ жизни его народа; въ его поэзіи оно, такъ сказать, главный центръ, фокусъ, въ который собираются и группируются имъ всѣ остальные явленія киргизской жизни, уже какъ причины, породившія и укрѣпившія его. Явленія эти, будучи разнообразны и перемѣнчивы, также даютъ богатый матеріалъ для его пѣснотворчества. Но я не буду на нихъ останавливаться, во-первыхъ, потому, что это отвлекло бы меня въ другую весьма обширную область, требующую подробной разработки, а во-вторыхъ и потому, что многія изъ этихъ явленій, въ

результатъ которыхъ является джетачество, разсмотрѣны и въ литературѣ *). Скажу только, что въ поэзіи Ногойбая мы замѣчаемъ и другое теченіе. На ряду съ пѣснями, полными любви къ своему народу, искренней преданности къ нему, готовности, если потребуется, душу свою положить за него, пѣснями, гдѣ всѣ оскорбленные и униженные найдутъ сочувственный откликъ себѣ, гдѣ раздѣлятся и облегчится горе ихъ,—Ногойбай, какъ бы памятуя истину, что

„То сердце не научится любить,

Которое устало ненавидѣть“,—на ряду съ ними поетъ и другія пѣсни, исполненные злобой, ненавистью и проклятіями ко всѣмъ тѣмъ, кто такъ или иначе, тѣмъ или другимъ приносить ущербъ благосостоянію народа его. Будучи самъ искренній, честный, съ мягкой, на все отзывчивой душой, не терпящей лжи и неправды, а тѣмъ болѣе какой-либо обиды, дѣлящейся послѣднимъ съ бѣднякомъ, особенно съ тѣмъ, которому грозитъ джетачество, и поучающій и другихъ быть такими же, онъ грозно и безпощадно бичуетъ тѣхъ, которые иногда въ одинъ свой проѣздъ по степи оставляютъ на ней столь глубокіе слѣды, что ихъ не сгладятъ потомъ цѣлые годы...

(Вотъ два рода поэзіи Ногойбая: съ одной стороны—поэзія горя и скорби, съ другой—злобы и ненависти; иной не знаетъ онъ. Сама жизнь, бьющая неизсякаемымъ ключемъ, съ ея безпрестанными видоизмѣненіями, съ ея вѣчно борющимися теченіями, даетъ ему столько живо-трепещущаго матеріала для его поэзіи, что, разъ отдавшись ему, сосредоточивъ на немъ все свое вниманіе, онъ даже не хочетъ и не можетъ оторваться отъ него. И въ его произведеніяхъ эта жизнь, какъ нельзя лучше, находитъ свое истинное, неприкрашенное, неувеличенное и неуменьшенное отраженіе. Достаточно слышать Ногойбая, чтобы эта жизнь встала передъ вами во всей своей наготѣ, такую, какою она есть.

*) Кроме отдѣльно разбросанныхъ статей въ „Вост. Обзор.“ и „Спб. Газетъ“, см. довольно обстоятельную статью по данному вопросу П. А.: „Киргизская степь въ хозяйственномъ отношеніи“ (Эконом. жур. 1888 г. Авг.).

Пѣсни о быломъ, составляющія столь важный элементъ въ поэзіи киргизскихъ пѣвцовъ, почти чужды Ногойбаю. Прелестямъ и красотамъ природы, воспѣваніемъ которыхъ такъ любятъ улаждать слухъ своихъ слушателей эти „акыны“, Ногойбай очень мало удѣляетъ мѣста въ своей поэзіи, хотя пониманіе ихъ, какъ мы видѣли, не чуждо ему. Рѣдко-рѣдко бываютъ исключенія, когда онъ любитъ оглянуться назадъ, вспомнить прежнюю жизнь, вольную, свободную, раздольную, когда была всего полная чаша, любитъ иногда унести въ ясное голубое небо съ его безчисленными мириадами звѣздъ; но все это лишь для того, чтобы, спустившись оттуда, по его выраженію, на „пѣтомъ облитую, съ кровью смѣшанную, отъ неправды людской почернѣвшую землю“, еще рѣзче, рельефнѣе нарисовать тѣ неприглядныя картинки, которыя не тамъ гдѣ-то въ необъятной выси, а здѣсь, передъ глазами всѣхъ и каждого, и не видѣть которыхъ не можетъ даже и онъ, слѣпецъ. Онъ самъ говоритъ о себѣ въ одной пѣснѣ: „Степь меня родила, степь меня вскормила и вспоила, степью я дышу, степью и жить я долженъ; но только, — прибавляетъ онъ далѣе, — я сынъ не прежней степи, не той, какую знали наши отцы и дѣды, а иной, новой, какою знаемъ ее мы сами, и не болѣть, и не скорбѣть о которой не можемъ мы. Могутъ ли дѣти, видя умирающую мать свою, не плакать и не рыдать? Можемъ ли и мы, видя умирающею нашу мать-степь, радоваться ея смерти? Оживетъ она, оживемъ и мы. И какъ солнце, когда пронесутся подъ нимъ скрывавшія его тучи, еще ярче и веселѣе блеститъ, такъ и мы, когда пронесутся тѣ черныя, грозныя тучи, которыя висятъ надъ нами, забывъ все бывшее, стряхнувъ съ себя горе, заживемъ новою жизнью, вздохнемъ, наконецъ, свободно полною грудью... Не таковъ тогда буду и я: на другой ладъ настрою я тогда свою двухструнную донбру, не такъ заиграю на ней, не тѣ запоемъ мы съ ней пѣсни!“...

А. Ивановскій.

Годъ 2-й.

Кн. VII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1890, № 4.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла
Н. А. Янчука.

ЦѢна 1 р. 50 к.

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, д. Левенсонъ.
1890.

ѣть ихъ; хватило ему ихъ только на недѣлю, а потомъ и для него настала голодъ. Ровно девять лѣтъ онъ просидѣлъ безъ пищи, не двигаясь съ мѣста. Исхудалъ, истощалъ, тонокъ сталъ, какъ палка. Наконецъ, всталъ онъ и пошелъ опять сюда, на старое мѣсто. Приходить и видѣть, что весь Оп-Чиликъ засѣянъ хлѣбомъ и одна юрта стоитъ. Вошелъ онъ въ нее, а тамъ сидѣть съ собакой молодая дѣвушка. Сталъ онъ ее расспрашивать, откуда она. Она рассказала, что была еще маленькой дѣвочкой, когда люди стали ѣсть другъ-друга. Она на другой-же день тогда убѣжала съ этой собакой въ горы и спряталась тамъ въ пещерѣ. Никто не замѣтилъ ея бѣгства. Питалась она каждый день только однимъ хлѣбнымъ зерномъ, которое ей приносила собака. А собакѣ Богъ давалъ въ день по два зерна; одно она съѣдала сама, а другое отдавала ей, дѣвущкѣ. Видя, наконецъ, что никого уже не осталось на Оп-Чиликѣ, она вышла сюда и поселилась здѣсь. Собака все продолжала приносить ей по одному верну. Тогда она стала ѣсть по верну черезъ день, а въ тѣ дни, когда не ѣла, садила зерна въ землю. Изъ нихъ-то и разросся хлѣбъ. Одноглазъ женился на этой дѣвущкѣ, и снова родъ людской сталъ размножаться¹⁾. А. Ивановскій.

Къ вопросу о колосѣ и маннѣ небесной добавимъ, что библиографическія указанія, сдѣланныя въ „Этногр. Обзор.“ (VI, 11—12; VII, 77), можно пополнить еще слѣдующими: *Сумцовъ*, Очерки исторіи ю.-рус. апокрифич. сказаній и пѣсенъ, стр. 80—81 (Кіевъ 1888, изъ „Кіев. Старины“ 1887). *Веселовскій*, Газысканія въ обл. рус. дух. стих. VI—X, 315; срв. то-же II, 60—61. *Аванасевъ*, Нар. рус. легенды, стр. VIII; Поэтич. возвр. I, 482. Сборникъ мат. по этногр., изд. при Дашковск. Этногр. Музеѣ въ Москвѣ (подъ ред. В. О. Миллера), II, 43—44. „Wisła“ 1887, 148, и Biblioteka „Wisły“, t. IV, 98 (*Z. Wasilewski*: „Jagodno“. Warsz. 1889). Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej (Krakow), III, 28, 97; VI, 321. *Pajek*. Črtice iz dus'evnega žitka s'tajerskih slovencev (v Ljubljani, 1884), стр. 177, срв. 137. Кроме того, кажется, о томъ же есть рѣчь у Терещенка („Быть р. нар.“) и у Гримма (D. Märchen).

Вл. Калашъ.

Происхожденіе огня.

(По сказанію киргизовъ).

„Было время, когда люди не знали огня (от); но потомъ они увидѣли, что безъ огня имъ плохо. Они стали просить Бога послать имъ съ неба огонь. Богъ какъ-бы не понималъ ихъ просьбы и сотворилъ для нихъ солнце (кунъ) и мѣсяцъ (ай). Между людьми былъ тогда самымъ умнымъ дуана²⁾ Фрукъ. „Безъ огня намъ нельзя жить“, говорилъ онъ Богу.—„Я далъ вамъ огонь“, отвѣчалъ Богъ, „днемъ вамъ свѣтитъ солнце, ночью—луна“. Умный Фрукъ объяснилъ Богу, что правда, что людямъ нельзя жить безъ солнца и луны, но нельзя также жить и безъ того огня, который въ холодъ согреваетъ-бы ихъ, на которомъ они могли-бы сварить себѣ пищу и т. п. Тогда Богъ послалъ дуаву Фрука въ адъ. Тамъ ему дали маленькую искорку. Отъ этой искорки и распространился огонь между всѣми людьми“.

Ал. Ивановскій.

¹⁾ Объ одноглазѣ см. „Этногр. Обзор.“ IV, 25—43 и 94—95; VI, 236.

²⁾ О „дуанахъ“ (киргиз. шаманахъ) см. Г. Н. Потанина: „Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи“, вып. II, стр. 81.

VI $\frac{6}{8}$

Годъ 5-й.

Кн. XVI.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи.

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1893, № 1.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.

1893.

Киргизская легенда о веретенѣ, обратившемся въ гору.

Среди алтайскихъ и тарбагатайскихъ ипородцевъ получили широкое распространѣніе легенды о людяхъ, животныхъ и различныхъ предметахъ, обратившихся въ горы. Въ Алтай и Тарбагатаѣ нѣтъ почти ни одной вершины, ни одной сопки, съ названіемъ которой не была бы соединена та или иная легенда. Богатое собраніе подобнаго рода легендъ содержится въ статьяхъ покойнаго алтайскаго миссіонера В. И. Вербицкаго (издаваемыхъ въ настоящее время Этнограф. Отд. Общ. Люб. Ест., отдѣльной книгой), акад. В. В. Радлова и въ „Очеркахъ сѣв.-западной Монголіи“ (а равно въ не вышедшемъ еще отчетѣ о послѣднемъ путешествіи въ Китай) Г. Н. Потанина. Къ циклу подобныхъ-же сказаній принадлежитъ и легенда объ обратившемся въ гору веретенѣ, записанная нами у Зайсанскихъ киргизовъ.

Недалеко отъ г. Кокбектовъ, Зайсанскаго уѣзда, находится гора Уртенъ-тагъ; къ юго-западу отъ этой горы до рѣчекъ Базаръ и Богасъ простирается ровная степь, въ центрѣ которой стоитъ одиноко конусообразная сопка, называемая киргизами Кенд(ы)кь-тубе. Киргизы говорятъ, что эта сопка — веретено („урчуг“) старухи. Великанша-старуха имѣла пять козъ, которыхъ она пасла всегда сама. Однажды, пася своихъ козъ, старуха усѣлась на гору Тарбагатай, а ноги положила на Алтай. Въ это время на одну изъ ея козъ, бродившихъ по степи, напалъ волкъ. Чтобы спасти свою козу, старуха бросила въ волка веретено, которое она держала въ рукахъ, прядя пряжу. Веретено это упало на то самое мѣсто, гдѣ теперь стоитъ сопка. Эта-то сопка и есть веретено великанши.

Съ старухой-великаншей преданіе связываетъ имя Айдагула. По мнѣнію однихъ, великанша была женою Айдагула, а по мнѣнію другихъ — просто „нечистой“ женщиной. До сихъ поръ между двумя киргизскими родами: наймано-муруновцами и тусла-токмакцами, идетъ горячій споръ о томъ, какой версіи легенды отдать предпочтеніе.

Объ Айдагулѣ киргизы рассказываютъ слѣдующее:

Одна изъ вершинъ Тарбагатая носитъ названіе Тазъ-тагъ, что означаетъ въ переводѣ „Лысая гора“ или „Голая вершина“. Тазъ-тагъ выдается изъ ряда прочихъ своею высотой и красивою конусообразною формою. На самой верхушкѣ Тазъ-тага виднѣется издали шапкообразная скала. Когда-то на этой вершинѣ, рассказываютъ киргизы, жилъ богатырь Айдагулъ въ своемъ теремѣ, построенномъ изъ камня въ отвѣсной скалѣ. Айдагулъ не ходилъ, а леталъ. Ему все было доступно. Богатства его были неисчерпаемы. Каждый годъ, весною, въ честь этого богатыря киргизы и понынѣ приносятъ жертву, ставшую даже обязательною. Обязательность жертвы киргизы объясняютъ такъ: однажды случилась на скотѣ повальная болѣзнь, отъ которой пало много скота. Въ это время одному изъ аксакаловъ (почтенныхъ, уважаемыхъ стариковъ) явился во снѣ Айдагулъ и сказалъ, чтобы старикъ завтра рано утромъ, собравъ старыхъ и малыхъ, пошелъ съ ними къ подошвѣ Тазъ-тага и принесъ-бы по барану отъ cadaго въ жертву. Вставъ утромъ, старикъ собралъ всѣхъ и, взявъ съ собою по барану отъ cadaго, отправился къ тому мѣсту, которое ему указалъ богатырь Айдагулъ. Съ утра у подошвы Тазъ-

тага стояло въ этотъ день шумное пиршество, кончившееся вечеромъ байгою. Послѣ принесенія жертвы скотская болѣзнь прекратилась, и съ того дня принесеніе жертвы въ честь богатыря Айдагула обязательно совершается киргизами каждый годъ у подошвы Тазъ-тага.

Киргизы вѣрятъ, что казна Айдагула и самъ онъ до сихъ поръ тамъ, въ скалѣ. Они говорятъ, что проѣзжающіе мимо Тазъ-тага и живущіе вблизи этой вершины слышатъ ночью глухой человѣческой стонъ, исходящій изъ-подъ горы: это Айдагулъ молится за благополучіе киргизовъ.

Ал. Ивановскій.

Нѣсколько вариантовъ на тему о гостѣ Терентіи.

Н. О. Сумцовъ, разсматривая пѣсни о гостѣ Терентіи и родственныя имъ сказки („Этногр. Обзор.“ кн. XII), приводитъ нѣсколько малорусскихъ сказокъ на мотивъ о гостѣ Терентіи. Вотъ еще 4 сказки о невѣрной женѣ, записанныя мною въ м. Мринѣ Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губ.

1. Пойхавъ чоловікъ у Крымъ по суль; а до ёго жунки прышовъ дякъ. Челядныкъ (работникъ), почувшы се, каже тому чоловіку за селомъ: „дядьку, а до вашои жунки дякъ ночовать прышовъ“. А той неймѣ ёму виры. „Ну, колы такъ“, каже зновъ челядныкъ: „то я васъ заховаю въ мешокъ, а вы мовчить; а я скажу, що привьюзъ скло (стекло)“. — „Ну, добре!“ — Вернулысь вони додому, пудъиижжають пудъ ворота. Жунка й пытае: „А хто тамъ?“ — „Да це дядько по дорози купылы скла да й прислалы мене, а завтра ураньци наздожену (догоню) йихъ“. Увышовъ у хату, а куль поставывъ коло порога: „Хай тутъ стойить, щобъ хто не розбывъ“. Побачывъ дяка та й пытае: „А се хто?“ — „Да се добрый чоловікъ попросывся ночовать“. — Отъ посилы вони вже за стуль. Дякъ выймае горилку и угощае вже хазяйку и того челядныка. Отъ уже якъ пудпыла хазяйка, то й спивае:

Да нема жъ мого Егора,	Богъ знае, Богъ видае,
Да пойхавъ до мора;	Що Егора дома немае.

А челядныкъ соби спивае:

Да чы чуешъ Егоре,	Беры гострый нужъ,
Що твоя жунка говоре?	Съ-пудсподу мешокъ рижъ!

А вона тоди до дяка: — „Ой дяче, шо нашъ Иванъ спивае! а возмы нужъ да прорижъ мешокъ“. — Дякъ розризавъ, а вудтуль вылезъ чоловікъ та й поповывъ добре и жунку и дяка.

2. Хозяинъ уѣзжаетъ въ Крымъ; а хозяйка заявляеть: „сёгодня треба вовну попарить“. Волну она сложила въ „зризокъ“ (большая кадка), а окропъ поставила въ печь. Воспользовавшись отсутствіемъ хозяина, къ его женѣ является дьякъ; вдвоемъ они пьютъ и закусывають. Дорогой челядникъ сообщаетъ хозяину, что егс жена сошлась съ дьякомъ, который, вѣроятно, и теперь у нея. Они возвращаются домой; наступаетъ вечеръ. Мужъ становится у дверей, а челядникъ входитъ въ хату: „И, дядыно! кончайте скорійше пичъ, бо на двори громъ гремытъ, и дядько вертаеця“. — „Куды жъ мыни диця?“ спра-